

Соломон Волков: "Власть хочет контролировать все"

Соломон Волков - писатель и музыковед, автор книг "Диалоги с Бродским", "Страсти по Чайковскому", "Разговоры с Джорджем Баланчиным", "Шостакович и Сталин: художник и царь" и "История русской культуры XX века" поговорил с корреспондентом BBCRussian.com Альвиной Харченко об отношениях государства и культуры в России.

Би-би-си: Можете ли вы провести исторические параллели в отношениях российской культуры и власти в разные годы?

Соломон Волков: И да, и нет. Русская культура всегда находилась с властью в особенных отношениях по сравнению с соответствующими слоями интеллигенции в Западной Европе. Там интеллигенция довольно рано эмансипировалась и получила свою экономическую базу и могла действовать более или менее независимо от отношения к ней правительства. В России же именно из-того, что развитие капитализма по сравнению с Западной Европой и США запоздало, культура всегда вынуждена была вступать в прямой или косвенный диалог с властью. Бывали моменты, когда только и исключительно через культуру, и в особенности через литературу, звучал голос политических требований, которые иным образом не могли бы пробиться на поверхность.

Самый яркий пример в этом смысле - время Сталина, когда казалось, что все заполнено политикой: невозможно было избежать насильственных политинформаций, бесконечных экзаменов, связанных с политическими науками, нужно было в обязательном порядке читать "Правду" и "Известия", подписка на которые распространялась принудительным образом. Но все эта политика была фикцией, ведь реальной политической жизни не происходило и единственный возможный диалог общества с властью мог идти через культуру и через литературу в особенности.

Би-би-си: Это повышало авторитет литераторов.

С.В.: Но одновременно возрастала и опасность высказывания - писатель за то, что он мог высказаться политически некорректным образом, рисковал головой. Поэт в России числился пророком именно поэтому. В Западной Европе значение культуры всегда было меньшим в этом смысле именно потому, что на Западе были соответствующие политические институты, парламент, свободная пресса, в которых все это можно было обсуждать.

В каком-то смысле нынешняя ситуация в России схожа с прошлым, потому что сейчас нет рентабельной серьезной культуры. Во всем мире культура должна иметь каких-то спонсоров, потому что рассчитывать на то, что серьезный роман или фильм соберет какие-то деньги, не приходится. На Западе, и в особенности в США, культура всегда так или иначе находит частных спонсоров. А в России такой традиции пока нет. В России, например, 50% на рынке контролируют несколько крупных издательств. Но даже эти флагманы книжной индустрии остерегаются вступать в открытый конфликт с государством, потому что у государства в руках рычаги, с помощью которых любой из этих гигантов можно разорить буквально в две минуты.

Би-би-си: Как менялась политика российских властей по отношению к культуре?

С.В.: У меня за последние лет 20 накопился опыт наблюдения за трансформацией отношения государства к культуре в России. Когда к власти пришел Горбачев, ему достался аппарат управления культурой в СССР, в основном созданный еще Сталиным. Вообще за время существования русской культуры были две основополагающие фигуры, которые существенно повлияли на характер взаимоотношений государства с культурой - это был Николай I в XIX веке и Сталин в XX. Оба они были схожи тем, что были диктаторами. Но одновременно оба, как никто другой, лично интересовались вопросами культуры.

Под эгидой Николая была разработана удивительно устойчивая формула "Православие, самодержавие,

народность", которая успешно прослужила российским властям много лет и продолжает быть полезной властям нынешним. Сталин с начала 1930-х годов стал выстраивать систему творческих союзов и административного руководства культурой, которая без каких-либо изменений просуществовала в СССР до 1991 года. Сталин понимал, зачем ему нужны эти аппараты руководства и серьезная литература. Он понимал, в чем может заключаться пропагандистская функция культуры, и он ее использовал в своих интересах. И в этом он был мастером. Как бы мы к нему ни относились как к политику и человеку, но в области манипулирования культурой в XX веке равного Сталину не было.

Би-би-си: Разделяли ли отношение вождя его наследники?

С.В.: Они все меньше понимали, зачем им этот аппарат управления культурой, действующий по инерции. Когда советское государство в том его виде, в котором он просуществовало многие годы, распалось, и к власти пришел Ельцин, он уже окончательно не понимал, зачем ему культура как таковая, и она вся была пущена на самотек. Финансирование государственной культуры скукожилось до невероятных размеров. Симфонические оркестры, театры оказались под угрозой исчезновения.

Но потом наступили выборы, и прямо на глазах вдруг власти сообразили, что на митинг с участием Ельцина народ необязательно придет, но если на этом же митинге будет выступать популярный певец или рок-группа, то придет. И все эти музыканты вдруг оказались востребованными в политической сфере. Весь мир обошли кадры, когда Ельцин на одном из своих предвыборных митингов приплясывал в такт мелодии какой-то популярной группы.

Би-би-си: Это была просто маска, надетая по случаю?

С.В.: Мне казалось, что Ельцину это все было неудобно, противно и тяжело, и он просто выполнял указания своих политтехнологов, потому что надо было выигрывать выборы. Но его аппарат понял, что все-таки какая-то культура нужна для общения с электоратом. И это был момент поворотный, когда культура из полного забвения и пренебрежения постепенно стала возвращать себе какие-то позиции в обществе.

Би-би-си: Сравнимы ли они были со значением культуры в СССР?

С.В.: Не приходилось говорить о том, чтобы культура снова была таким голосом и силой, как в советское время, когда никакой иной политической деятельности не позволялось. И первым с этим столкнулся Солженицын, когда он вернулся из своего изгнания в новую Россию.

Он ее там представлял как прежний Советский Союз и думал, что вот теперь, когда ему будет позволено говорить по телевидению, то вся страна прильнет к экранам. А ему, потерпев некоторое время, власти сказали, что у него рейтинги невысокие и ликвидировали его программу. Насчет манипулирования рейтингами можно было поспорить, но факт в том, что возмущенные зрители не завалили телецентр письмами, требуя вернуть им Солженицына. Народ больше не хотел лекций, он хотел развлекаться.

Би-би-си: Можно ли трактовать как признание властями важности культуры в качестве политического инструмента то, что "единороссы" назвали Солженицына своим идеологом?

С.В.: В новую эпоху власти все с большей настойчивостью пытаются абсорбировать и интегрировать культуру, создать атмосферу, в которой можно вырастить этого гомункулуса на национальной идее. Хотя президент Медведев несколько раз внято высказался на тему того, что никакой национальной идеи не надо, а надо просто работать честно - все равно будут пытаться эту идею вырастить, потому что власти ощущают, что какой-то слоган должен иметь место для населения.

Еще Маяковский когда-то сказал, что если марш не дадут музыканты, то народ вперед не пойдет. В поисках марша, который деятели культуры бы заиграли, власти как раз и находятся. И они, конечно же, с величайшей готовностью заглатывают любую крупную фигуру, которая уже не может им сопротивляться.

Пока Александр Исаевич был жив, власти относились к нему очень осторожно, опасаясь, что он может рывкнуть что-то неприятное для них, что он и делал. Но, как только он ушел в мир иной, немедленно поступило распоряжение включить Солженицына в школьные учебники литературы и истории, и сейчас на наших глазах будет происходить процесс приспособления Солженицына имперским нуждам. Хотя это колоссальное заблуждение, что Солженицын был в каком бы то ни было виде певцом российской империи.

Би-би-си: Готовы ли российские деятели культуры дать марш по указке властей?

С.В.: В данный момент деятели культуры зависимы от власти в огромной степени. Есть до сих пор фигуры, которые позволяют себе достаточно независимую позицию - навскидку это писатель Владимир Сорокин, который создал прекрасную сатиру на имперскую идею, "День опричника" и недавно вышедшее продолжение "Сахарный Кремль".

Я считаю, что яркую, независимую и неподкупную позицию занимает Юрий Шевчук. В отличие от других ветеранов рока, он отказывался принимать участие в каких-то акциях по требованиям властей. У Шевчука своя система воззрений, окрашенная в националистические, религиозные и консервативные тона, но в любом случае это позиция независимого человека. Я не хочу сказать, что вся русская культура униформным образом подчинена и исполняет заказные функции. Но независимых фигур становится все меньше.

Би-би-си: В этом виноват вечный страх интеллигенции перед властью?

С.В.: Я много занимался Шостаковичем, и мне западные комментаторы задавали один и тот же вопрос: почему Шостакович в 1960-е годы, когда не было уже сталинского террора, вступил в партию и воздерживался от критики властей? И мне, как человеку в СССР жившему, было сложно объяснить, что страх все равно жил в костях у людей. Может быть, не приходили по ночам и не арестовывали твоих соседей. Но в воздухе незримо висело ощущение, что все возможно и власти ничего не стоит это повторить.

Сталин нагнал такого страха, что, как писал художник Илья Кабаков, этот страх всегда присутствовал в разных пропорциях, как молоко в кофе. В разговорах с нынешними российскими интеллигентами я тоже ощущаю этот страх, который они, может быть, не всегда осознают. Он трансформировался в нечто такое, что можно назвать осторожностью, нежеланием высовывать голову и подставляться, но все сводится к тому же слову: страх. Суть власти в России за последние 300 лет радикально не изменилась: власть по-прежнему хочет контролировать все.

Би-би-си: Применимо ли понятие морали по отношению к художнику?

С.В.: Это очень трудный вопрос. Мандельштам, Ахматова, Пастернак, Булгаков, Блок - фигуры для определенной части современной аудитории культовые. Но все они по разным причинам шли на компромиссы с властью. Если мы начнем проследить историю компромиссов наших великих творческих фигур с властью, то упремся в святое для русской культуры имя Пушкина.

Современники не могли простить ему "Клеветникам России", "Бородинской годовщины" и стансов, посвященных Николаю I. Белинский писал, что после этих стихов люди отвернулись от Пушкина, на ту же тему высказывался и Герцен - для них то, что сделал Пушкин, было морально непозволительно. Мы же сейчас находим для позиции Пушкина разные оправдания и извинения, а резкие отзывы современников есть тенденция не вспоминать.

Автор: Артур Скальский © Би-Би-Си КУЛЬТУРА, МИР 👁 3569 16.12.2008, 18:02 📌 165

URL: <https://babr24.com/?ADE=49401> Bytes: 10762 / 10622 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)